

Марина Макова

Птица вешая

Стихи

Марина Макова
Птица вещая. Стихи

«Издательские решения»

Макова М.

Птица вещая. Стихи / М. Макова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851345-9

«Птица вещая» — птица Сирин, поющая пророческие песни о грядущем. Этот образ сквозной линией проходит через всю книгу, связуя воедино Прошлое, Будущее и Настоящее, от «пещерного детства земли» до современных «людей-материков», со своими страстями, проблемами и желаньями. Природа, история, философия, религия, мистика, любовь — это далеко не все темы, которые поднимает автор в своём творчестве. Желаем всем приятного чтения. Все рисунки созданы автором книги.

ISBN 978-5-44-851345-9

© Макова М.

© Издательские решения

Содержание

Птица вещая с неба пала	7
Сутки	8
Ты от рожденья только правдой чист	9
Когда мне тесно, я ломаю двери	10
В келейной тишине аллей	11
Как душа кровоточит	12
Слышишь, топот копыт над землёй в песне ветра несется	13
О времени не надо говорить	14
Где эта граница меж Злом и Добром	15
Люди уходят в люди	16
В мире, где чувствуют даже предметы	17
Человек – материк	18
Разговор на бегу	19
Переполненные автобусы	20
Нас с пеленок учили бороться	21
Сколько вас там, повелители судеб?	22
20-й Век	23
90-е	24
Второе пришествие	25
Здесь мира нет	26
Ночная дорога	27
В провале дня возникнет тень	28
Мы Ад свой выдумали сами	29
Белый ветер встаёт над землёю	30
Не утоните в собственных ошибках	31
Меж озером и рощею лежала	32
Чёрные сердца	33
Мой век – чертополох!	34
Желания	35
Чем же тебе помочь?	36
Идёт война	37
Молитва	38
В старину на крестцах выростала трава колдовская	39
Хрустальные люди	40
Я триедина в памяти своей	41
Создаю себя заново	42
Самое трудное в жизни	43
Я родилась в Вальпургиеву ночь	44
Это имя моё	45
Я росла на ветрах	46
Я из тех городов	47
Отслаивался час от суток	48
Мой маленький дом девяти этажей	49
Я – отступление от правил	50
Как царь Эдип	51
Мы близнецы с тобой, моя душа	52

Скажи мне брат	53
Был человек сердит и точен	54
Я помню	55
Пройду сквозь оговор	56
Соглядатаи дней и ночей	57
Я приветствую новое утро	58
Так хочется чуда!!!	59
Я ненавижу серый цвет	60
А у меня в пути кровавый бой	61
Меня забыли	62
А я начну с конца	63
Я иду по канату	64
Лицо ночное с ликом дня не схоже	65
Мой сон	66
Сегодня кто-то шепнул моё имя	67
Сумерки	68
Я сегодня была дождём	69
Мой архив	70
Я писала стихи о любви	71
Из Забвения вызываю	72
Как в ночь впадает огневой закат	73
Золотое кольцо луны	74
Пришёл незванный, нелюбимый	75
По мотивам Бразильской поэзии	76
Любовь и Ненависть	77
Меркурианец... Магия небес...	78
То ты нежен, как ветер весенний	79
Дорога без следов	80
Любовь	81
Хочешь я нарисую	82
Служебный Роман	83
Счастье ищешь? Приемлешь дождь!	85
Где твоя смелость, солнечный Лир?	86
Мы повязаны этой любовью	87
Проходит день без твоего тепла	88
Цыганская доля! Беспутство и страсть!	89
Векторная любовь. По наитию, по законам	91
Я оставляю тебе на память	92
Тебе	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Птица вещая Стихи

Марина Макова

© Марина Макова, 2017

ISBN 978-5-4485-1345-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Птица вещая с неба пала

Птица вещая с неба пала,
широко развернув крыла.
Серебристую дрожь краснотала
вековая покрыла мгла.
Просыпалась заря-заряница,
окровавленный мерил плащ,
опрокинув на сонные лица
горе-горькое неудач.
Что за вороги землю терзают?!?
Распродажа ликует окрест...
Сквозь безумство воронней стаи
не пробиться тебе благовест.
Над Россией не стало сини...
На равнинах и между гор
столько нищих, убогих, сирых
заливают обидой взор.
Ты не веришь уже предсказаньям
моя бедная, славная Русь.
Сквозь пожары пылающих зданий
видеть будущее не берусь.

Сутки

Русое поле
роняет росу.
Роскошь раздолья
в ладонях несущу.
Радугой рдеет,
волнуясь вода,
день вечереет,
меняет цвета.
Чёрные травы
тревогу прядут.
Ночи стоглаво
в рассветы плывут,
звездочки боли
неся на весу,
в русое поле,
роняя росу.

Ты от рожденья только правдой чист

Ты от рожденья только правдой чист,
но жизнь, порой, играет злые шутки,
надломишься, пойдёшь на компромисс,
спасаясь в дебрях лживого рассудка.
Ложь из минуты вырастет в часы,
потом, шутя, годами обратится,
и ты привыкнешь, что не все чисты,
хотя кругом сплошь вымытые лица.
Я так хочу по правилам играть,
чтоб «Да» и «Нет» разъединить преградой,
чтоб между ними кистью не писать
полутона намеков, полу-взгляды.
Ну почему природа так щедра?!?
Для красок чистых блики подбирает...
С рожденья начинается игра,
выигрывает тот, кто выживает.
Мелькают и пестрят полутона,
полуулыбки пополам с бравадой,
полу-враги нальют тебе вина,
полу-друзья накормят полуправдой.
Кто прям и честен, разве не чудак,
весь на виду и нет защитной тени...
А компромиссы прячут от атак
ничтожества, бездарности и лени.
И вы в согласье с ними как друзья,
от них вам манна с неба, воля случая...
А если скажут вдруг, что так нельзя,
увы не рухнет в прах благополучие...
Лишь исказит усмешка угол уст,
окно лица не занавесит горесть,
теряется важнейшее из чувств,
щемящее, больное чувство – Совесть.

Когда мне тесно, я ломаю двери

Когда мне тесно, я ломаю двери,
пустыню улиц за собой вожу,
из чьих-то судеб, ставших вдруг потерей,
без стука и обиды ухожу.
Не обиваю старые пороги,
и лица раздвигаю, чтоб пройти
к ветрам из комфортабельной берлоги...
Из Века в Вечность есть ещё пути.

В келейной тишине аллея

В келейной тишине аллея
есть святость залов углублённых.
Стволов колонны держат кроны
и свод туманов и огней
в келейной тишине аллея.
Немногословная листва
в дыханье ветра оживает.
И знобко музыка витает,
не нарушая торжества,
немногословна, как листва.

Как душа кровоточит

*Я немножко Горгона – своими остатками кос.
Привяжусь к ним на время, похожее, вдруг впавшее в прелесть
Моих песен и слёз, моих искренних песен и слёз,
Обращу тебя в камень, но этого мне не хотелось.»*

Кабачкова Ирина

Как душа кровоточит, у боли нижайший порог,
все колдобины мира сквозь сердце моё пролетают,
и любовь застревает горячею раной меж строк,
одного лишь хочу, чтобы ты никогда не растаял.
Мечь Горгоны страшна, но, пожалуйста, не камней,
ледяную скульптуру мне б тоже не очень хотелось,
хоть порой моих строк лучезарно-любовный елей
превращается в яд, как фатальная оголтелость.
У поэтов всегда перемены в сознании чувств,
постоянно проходят метания и круговерти.
И особенно тошно, когда это сборище муз
моё сердце как шарик земной лихо крутят и вертят.

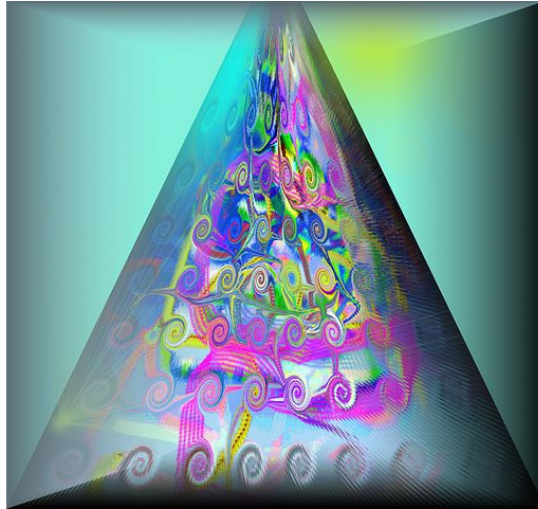
Слышишь, топот копыт над землёй в песне ветра несется

Слышишь, топот копыт над землёй в песне ветра несется,
где-то в древней Руси снова гудки берёт скоморох...
То не поле горит, это всходит крамольное солнце,
то не чаша гудит, это ветер от стонов оглох.
Заторможен эфир голосами времён и наречий,
но сквозь плач серенад и моторов ревущую медь,
слышишь бьётся беда, и ложится планете на плечи
тяжесть взрывчатых тонн, под коротким названием
«Смерть».

Где-то Дмитрий к Непрядве ведёт свои славные рати,
Царь Иван созывает бояр на военный совет.
Приближается ночь, словно траур невесте на платье,
и, как камень падун, темнота придавила рассвет.
Шли татары и ляхи, сверкая на солнце мечами,
грохотали тевтонцы, железом буравили лёд,
как пылали дома, доставая до неба свечами,
и от чёрного горя чернее обуглился свод.

И взвиваются в небо ракет огнедышащих стаи,
и военные базы грибами под солнцем встают.
И колышутся свастик кровавых колючие знаки,
будто Землю опутал гигантский разбуженный спрут.
Из поломанных рук, где-то пала на землю гитара,
и убитый малыш к мёртвой матери плотно прильнул,
разве можно назвать нашу Землю отжившей и старой,
слышишь сердце её из глубин нарастающий гул.
Это голос полей, что калённые стрелы косили,
Это Тьму Таракань, что исчезла бесследно в ночи,
это стоны Чудского и вопль степного ковыля,
то не ветер поёт – это сердце земное стучит.
Как болят его раны – войной опалённые люди,
всё им мнятся бои, пережитый и будущий ад...
Слышишь топот копыт нас от сна вековечного будит,
Тени предков на помощь Земле нашей бедной спешат.

О времени не надо говорить

О Времени не надо говорить,
его и так обсасывают в суе.
То рвётся, то в узлы связует судьбы
тончайшая невидимая нить.
У Времени нет ясности границ,
есть бесконечность мысли и движенья,
оно сродни мелодии скольженья,
дыханью звёзд и перелётам птиц.
Им надо жить и впитывать его
как дуновенье ветра всею кожей...
И не считать года, что быстро прожил,
и не гадать, а сколько же всего?

Где эта граница меж Злом и Добром

Где та граница меж Злом и Добром?
По судьбам проходит? По лицам?
Дымят словеса, всё уходит на слом!
Но нет её этой границы!
Не верьте, что где-то, в самой глубине,
где зреет душа, в сердцевине,
туманом по мыслям, сознанию, траве
струится она и поныне...

Люди уходят в люди

Люди уходят в люди,
в театры и кабаки.
Люди мечтают о чуде:
избавиться от тоски,
от серой глухой печали,
от вечного крика в себе...
Люди стучат ночами
в стены своей судьбе.
Комплексы, самоменья,
мании... Чудаки!
Время ловите, время!
Миру дарите стихи!

В мире, где чувствуют даже предметы

В мире, где чувствуют даже предметы,
где состраданием болеют цветы,
где информацию дарят рассветы,
и воплощаются сами мечты.
Мы – это сгусток свободы и боли,
сами себе мы с тобой короли,
в чём человек в этом мире не волен,
только в признании, только в любви.
Перепадет ли счастливая доля
и повстречаешь в дороге любовь,
если полюбят, значит достоин,
а не полюбят, значит – изгой.

Человек – материк

У каждого человека,
когда его в память влечёт,
много дорог разбега,
что предъявляют счёт.
Много окон и улиц,
много домов в городах,
лиц, что судьбы коснулись,
слов, что запали в стихах.
У каждого человека,
если его объять,
очистив от слёз и от смеха,
есть что в душе скрывать.
Он как таинственный остров,
движимый материк
с судьбами перекрёстков,
с полками редких книг,
с лестницами подъездов,
с комнатами тревог,
с нужным и бесполезным
он почти полубог.
Но не спеши пробраться
в этот мобильный мир
с лозунгами демонстраций,
с тайной чужих квартир.
Хрупкий, порою колкий,
разбиться тот час норовит,
тронешь, летят осколки
над головой в зенит.

Разговор на бегу

Вечер спешил, остановками высвечен,
звёзды летели меж веток и крыш.
Был в темноте траекторией вычерчен
бег в никуда... Почему ты молчишь?
Мчатся года и часы опрометчиво,
мир опоясало полем тревог,
с трезвым расчётом себе человечество
к дулу прикладывает висок.
Нас музы беспечностью сладкою потчуют,
в то время, когда онемела Земля,
когда вырастает чудовище волчье,
готовое слопать тебя и меня.
А мы выключаемся тусклыми лампами
из ужаса серых газетных минут,
и чёрные ночи кошачьими лапами
по душам уснувшим тихонько бредут.

Переполненные автобусы

Переполненные автобусы,
передавленная толпа.
Нас качает на маленьком глобусе
время, музыка и борьба.
Под ногами земля, как в вальсе...
Ты за стойку руками схватись.
Может это шофёр причастен,
что мы часто падаем вниз?

Нас с пеленок учили бороться

Нас с пеленок учили бороться,
знали мы, что не дремлет враг,
корни нашего первородства
прорастали в победный шаг.
И не ведали мы, не вникали,
что за время над нами кружит.
Нас идеями загоняли
в тупики и провалы души.
И пошли мы по тем провалам,
исчезая в них не за грош,
сколько сверстников в них пропало,
днем с огнем их сейчас не найдешь.
Среди каменных лбов и стенок
мы искали выход, исход.
Кто устои взрезал, кто вены,
но мы двигались все же вперед.
И без трепета, без волненья
расписали в газетах итог,
чтоб потерянным поколением
обозвать всех нас оптом в срок.

Сколько вас там, повелители судеб?

Сколько вас там, повелители судеб
и учредители всяческих благ?
Вы, что страну мою грабят и губят?
Неведом вам стыд и неведом вам страх.
Зарвались, зажрались по заграницам,
перенасытились всем и вся.
Вам по ночам русский бунт не снится?
Предотвратить его просто нельзя!
За то, что на лицах исчезли улыбки!
Вы истребили радость и смех,
подачки народу настолько зыбки,
что это вряд ли зовётся «успех».
Мы катимся в пропасть под вашим началом,
неужто это вам невдомёк?
От денег и власти так укачало,
что трудно увидеть грядущий итог?!?
Будет вам кара до судного часа,
потомкам вашим щемящий позор!
Возмездия требует низость ваша,
на лоб вам тавро с подлым словом «Вор»!

20-й Век

Идёт к концу мой золочённый век,
мой век, пропахший потом и бензином,
предательством, что судьбы развозило
по лагерям и под могильный снег.
Мой век трибун, красноречивых слов,
наветов, сплетен, клеветы и мести.
Не верю, что возможно есть предместье,
где веку не предъявлено счетов.
Где тишина и божья благодать,
нет пострадавших или обличённых,
где целы речка и земля и кроны,
и мыслимо о будущем мечтать.

90-е

Ах какие лики современных улиц,
сколько здесь контрастов: сытость, нищета,
руки бывших русских с новыми столкнулись,
подаянья просит черная беда.
Нищая Россия на задворках века,
в тупичках подвальных с воплями и без,
в офисах, в трущобах ищет человека.
Время на излёте – человек исчез.
В пьянстве и разврате, в оргиях, в притонах,
в воровстве карманном, среди общих бед,
в пестрых магазинах, в праздничных салонах,
и в престижных банках не отыщешь след.
Нету человека! Человечность нынче
Очень слабый стимул для великих дел.
Только Власть и Деньги выглядят прилично,
потому объявлен полный беспредел.

Второе пришествие

Он был лицом на Бога не похож,
лишь только боль, что пряталась во взгляде
вдруг проступала остро, словно нож,
и исчезала за седьмой печатью.
Он ведал все, что делалось со мной,
неизлечимый путь Земле наметив,
а путь был страшен и всему виной
из бездны поднимающийся ветер.
Какие думы путал в головах
летающий воздух, только среди народа
свирепствовали морок, кровь, и страх,
да плюс стихия с общей непогодой.
Когда он был учителем добра,
его убили, прячась за законы.
Теперь как мститель он вошел в ветра,
чтоб рушились дома, столетья, троны.
Осталось семь печатей преломить,
и рухнет мир, и бездной станет время,
и цепь сомкнется, уничтожив нить,
что некогда являлась нами всеми.

Здесь мира нет

Здесь мира нет.
Иди в духовный скит!
Живи среди стен, где древние иконы,
в ночной тиши с возможностью антенн,
со всей Руси улавливают стоны.
Что нужно человеку по судьбе,
дорога или лики безучастья?
Какой талант вы заперли в себе,
искатели несбывшегося счастья?
Твоя тоска плывёт издалека,
на воле среди людей возводит стены.
Душа срывает небо с потолка,
крушит замки и требует измены
своей судьбы. Но люди в мире злы,
к своим сооружениям равнодушны,
они взрывают стены и углы,
и в тупики заталкивают души.

Ночная дорога

Ночная дорога хранит откровенье
прошедших людей и машин.
Невидимо делятся следы настроенья,
сливаясь с шуршанием шин.

Дорога не ведает лиц и улыбок,
она ощущает дрожа
мелодию бега, шаганье ошибок,
страх пяток, в которых душа.

Ей цвет не понятен зелёный и красный,
лишь стук, тарахтенье, прыжок...
И кожей шершавой читается праздник
сквозь ритмику множества ног.

В провале дня возникнет тень

В провале дня возникнет тень
и занавесит светлый день.
Неразличимая для глаз,
она соткнется в вихре фраз,
из чьих-то взглядов и смешков,
из нелюбимых голосов.
И исказится угол уст,
и день вдруг станет сер и пуст.
Ты выйдешь, сдерживая крик,
забыв, что сутки – краткий миг.

Мы Ад свой выдумали сами

Мы Ад свой выдумали сами,
и воссоздали на Земле.
Кого-то пожирает пламя,
а кто-то мечется во мгле.
В каких веках в науке пыток
так изощрялся дикий ум?
Убийц непойманных избыток...
Всё это Зло от наших дум.
И катастрофы, как возмездье,
ползут за нами всё круша,
и невозможные болезни,
как платя меряет душа.

Белый ветер встаёт над землёю

Белый ветер встаёт над землёю и бродит в сердцах,
заметая дороги, что тянутся между людьми.
Белый берег безмолвья не тает, и тянется страх
от гигантских костров из пещерного детства Земли.
Протяни мне ладонь. Отчего мы замкнулись в толпе?
Не коснись никого, сразу тока получишь удар.
Через гулкую боль не пробиться ни мне, ни тебе...
Нужно что-то отдать, чтоб принять сострадание в дар.

Не утоните в собственных ошибках

Когда-нибудь за каждый лишний жест,
за злое слово спросится. Зачтется
тоска, утраты, слёзы, муки, стресс,
что вызвал ты в чужих сердцах, прольется
на голову повинную твою...
И ты утонешь в собственных ошибках,
и рухнут стены в комнатном раю,
на самомненье созданные зыбком.
И что всего ужаснее, потом
провалишься в беззвёздное пространство,
в безвременье, в забвенье... Решетом
пройдут сквозь душу биотоки чванства.
И всё, что было тёмного в тебе,
рассеется туманом, оседая,
раскаянье останется в судьбе,
как безвозвратность призрачного рая.

Меж озером и рощею лежала

Меж озером и рощею лежала.
И был немислим этот юный гроб.
Берёзовое, скинув покрывало,
шагни босая в ледяной сугроб.
Был детский хор как плач немногословен,
не сознавая смертного конца,
лучи сквозящих солнечных часовен
стекали к свету твоего лица.
И лик живой над мёртвым затеплился,
всё те же губы, брови и глаза...
Двойник возник и тихо растворился,
как по щеке скользнувшая слеза.
Две жизни одинаково похожих,
две тени, две девчушки-близнеца
совпали, прикоснувшись чуткой кожей,
дыханьем и сиянием лица.
И только мать стонала безутешно,
не понимая почему один
из двух детей подснежник уцелевший,
и ночь забвенья стала над другим.

Чёрные сердца

Врастая в новый день, не потеряй лица,
и душу не замажь, не замарай сознание...
Уходит в сумрак ночь, но чёрные сердца
вступают каждый день в борьбу за выживание.
Кто в этой схватке прав, кто выдержит из нас?
Они порой хитры, нежны и лицемерны.
И каждый новый миг, и каждый новый час
падением нам грозит, бедою иль химерой.
И в правилах игры не царствует закон.
Их помыслы черны, слова набиты скверной,
но ты к ним не спеши на сговор и поклон,
и душу не носи как жертву в стан неверных.
И пусть борьба порой бывает нелегка...
Толпой на одного – излюбленный их метод...
Им ночь – родная мать, и черный цвет греха
царует на земле, но только до рассвета.

Мой век – чертополох!

Мой век – чертополох!
Он врос в святую землю,
как истинный сорняк,
нарушив благодать!
Мой век – чертополох,
но я его приемлю
с психушкой и тюрьмой,
с умением страдать.
Мой век – чертополох,
бедою переполнен,
он болен воровством,
оболган навсегда.
Жестокий, как пигмей,
он бродит в стенах комнат,
где в рамочках висят убитые года.
Век славных, добрых дел,
которым счет неведом,
в который раз спеша возводит
пьедестал,
там, где упали в грязь
свершенья и победы,
что прежде второпях
в историю вписал.
Мой век – чертополох,
он сам себя линчует,
он сам себя творит,
но скоро хлопнет дверь,
и он, наверно, стыд своей кончины чувствует,
и мечется в тоске,
затравленный, как зверь.

Желания

Желания материализуются
в запахах и цветах,
в вещи, в дороге, в улицу
с названием «Суета»,
что бесконечно-длинная,
ей не видать конца...
Бывают желанья сильные,
на части разносят сердца!
Чьё-то желанье рыжее
вон по шоссе мельтешит...
Время желаньями движимо,
они стали частью души.

Чем же тебе помочь?

Ветер поднялся в рост
и в тихий шёпот врос.
И шелестя слова
переняла трава.
Слышишь, шаги шуршат...
Это идёт Закат.
Кровью набряк, бедой...
Повремени! Постой!
Дальше ведь будет ночь,
уже ни чем не помочь.

Идёт война

Идёт война... Она не позабыта,
она ещё не кончилась в сердцах...
Глумится враг, в сраженьях недобитый,
над поколеньем, победившим страх.
Из гнили, чёрных нор повыползали
со свастикой поганой пауки.
Историю народов переврали,
собрав свою лжеправду из трухи!
Так подлю, так по-зверски, так жестоко
враг всё святое яростно крушит!
Свои помои брызгает из окон
на памяти незыблемый гранит!
Перевернуть в мозгах его задача,
то, что так долго, свято берегли!
Им этот бой кровавый снова начат
в сетях, в сердцах, во всех концах земли.
Объединяйтесь люди и народы!
Все вместе мы сумеем отстоять
свою Победу и свою свободу!
Враг не пройдёт! Нас миллионов рать!

Молитва

Господи!
Отведи беду,
что растёт в бреду!
Тени страшных лет
по Руси бредут,
сквозь глазницы войн
вопрошают суд,
вспоминают всё,
что в душе несут.
Как земле забыть
детский стон и плач.
Тысяч юных душ,
кто ты был палач?
Время иль судьба,
или человек?
Сколько жутких ран
спрятал в недра век!
Разве может мать
растерзать дитя?
Снова вороны
над землёй летят!
И царует боль!
И ликует грязь!
Что ни оголь —царь!
Что ни вор – то князь!
Царство нищих душ!
Серых будней гнёт!
Что ни фраза – чушь!
Одичал народ!
Тяжело дышать!
На простор уйду!
Научи летать,
отведи беду!

В старину на крестцах выростала трава колдовская

В старину на крестцах выростала трава колдовская,
собирались дороги в единый ударный кулак,
и ворон вездесущих крикливая черная стая
в перекресток вонзала полета крылатый размах.
И провидец стоял, на четыре стены поклонившись,
и предчувствовал сердцем пожары и злую беду,
что еще впереди, но с дорогой протоптанной слившись
к горемычному городу прямо по ветру бредут.
Что у нас впереди? Предскажи, не таи в своем сердце,
встань по центру России из прошлого древний пророк...
Как в годину всех войн средь политик, наук и коммерций
выбрать правильный путь, чтоб идти по одной из дорог.

Хрустальные люди

Сложное время странных людей,
лиц позабытых и судеб,
чьих-то ненужных, непонятых дней,
так и не ставших сутью.
В парке хрустальном стеклянная жизнь,
слепки ушедшей природы,
но восхищаться не торопись
этим прозрачным сбродом.
Это Амура зимнего лёд
мастером изувечен.
Или слетевший к нам Новый год
в полночь вочеловечен.
Все мы прозрачны как наши дни,
что как ветра провисли...
Руку сквозь зеркало протяни
и пролистаешь мысли.
Может мы все одинаково злы,
иль одинаково тУпы,
слепо блуждаем в объятиях мглы,
ищем ногою уступы.
Падать нельзя, мы как те, что из льда,
хрупки, прозрачны, колки.
Капля тепла, и польётся вода,
с пяток собьёшь осколки.
Всё здесь сплелось: безразличье и смерть,
вздоры, тревоги и фальши,
как бы добраться до сути успеть,
как бы узнать, что дальше...

Я триедина в памяти своей

Я триедина в памяти своей,
но, то, что будет, чётко ощущаю,
а то, что есть, совсем не замечаю,
и то, что было, помню всё слабей.

Создаю себя заново

Создаю себя заново без суеты,
без промежутков, в которых
кто-то застыл, может даже ты.
Добираюсь до цели на «скорых».
Сон ломаю и Вечность, аж кости трещат,
не привычные к тяжести часа.
Погружаю душу из лени в ад.
Мчится поезд скорого класса.
Кто там пятится в ночь за летящим окном?
Кто там бросился в мрак, не замечен?
Чьи—то тени вошли в чей-то праздничный дом,
кто-то плачет в подушку, не встречен.
Я физически чувствую краткость минут,
и как сутки мои убывают,
я ломаю себя, убыстряю маршрут,
рвусь из прошлого, не успеваю...
Как тяжелый груз прикипели ко мне
сплетни, дразги, взгляды косые,
тормозят на лету, возникают в окне
чьи-то лица нахально-чужие.
То усмешек липких накинута сеть,
то слова забывают, как гвозди...
Если всё принимать, то тогда не успеть.
Не успеешь и станет ПОЗДНО!

Самое трудное в жизни

Самое трудное в жизни —
это бороться с собой...
Пропалывать вредные мысли...
Вести ежедневный бой!
Потребности и желанья
границею разделить...
Здесь звук пустой – Воспитание...
Взять палку покрепче и бить!
Не надо вести уговоров
с собственной душой...
Слово «Нельзя» запором
поставьте перед собой.
Иначе «Хочу!» и «Дайте!»
на части тебя раздерёт.
Боритесь с собой, страдайте,
но двигайтесь всё же вперёд!!!

Я родилась в Вальпургиеву ночь

Я родилась в Вальпургиеву ночь,
когда шабаш достиг энергопика,
и в лунном свете кралась повилика,
от магии бежала видно прочь.
В роддоме в миг рождения свет исчез,
и город весь ночная мгла сокрыла,
погасло всё... Магическая сила
устроила кругом энергостресс.
Всю ночь на Лысой ведьминой горе,
свершались перелёты и гулянья..
А утром мир, уставший от заклянья,
предстал как юный праздник на заре.
Шары, плакаты, транспарантов строй,
и музыка и флаги и движенье
колонн по миру, так в моё рожденье
Вселенная знакомилась со мной!!!

Это имя моё

Это имя моё как солёные волны взошло,
на песке проступали тревожные женские лики,
что носили его, возрождая добро или зло...
Их летящие души – застывшая тайнопись книги.
Много грешниц среди них, непокорных и гордых рабынь,
и святых, чьи иконы висят в белокаменных храмах.
Это римское имя впитало искристую синь
и солёную горечь горячих гаремов ислама.
Дамы царских кровей, поэтессы с великой судьбой,
и колдуньи-славянки владели неистовой силой,
что в народе давно величается просто Любовь...
А любовь эта души и судьбы под корень косила.
Это имя моё – распустившийся тайно цветок,
что как светоч горя, быть звездой путеводной намечен.
Что даёт мне оно? Нескончаемый звёздный поток,
что летит сквозь меня, открывая за окнами Вечность

Я росла на ветрах

Я росла на ветрах, в поездах, в самолётах, в дороге,
как потерянный листик, искала в движении покой...
Жизнь была ко мне разной,
для детства все взрослые строги,
как котёнком играли моею незрелой судьбой.
Где те двери с зарубками, что измеряли по росту
возраст майского утра, вечерней дороги шаги?
В Казахстане, во Львове, под Псковом,
а может в Свердловске
ещё живы те метки отцовской надёжной руки?!?
Много было домов и приютов у звонкого детства,
все они проскочили, промчались сквозь память
в туман...
И не стало дороги, начала, где можно согреться,
к роднику припадая, омыть свою душу от ран.

Я из тех городов

Я из тех городов, где дороги впадают в дома,
где за стёклами окон весёлый семейный уют,
где на санках летит из далёкого детства зима,
и меня, точно знаю, там любят, ласкают и ждут.
Я ещё не взошла, и туманы мои далеки,
и холодные ветры и люди – всё будет потом...
А пока я живу на приволье могучей реки,
в приуральской тайге,
и под Псковом есть тоже мой дом.

Отслаивался час от суток

Отслаивался час от суток,
бесшумно выдохнув рассвет,
уже не час, а промежуток,
итог прошелестевших лет.
Когда-то еле-еле слышно
шажками время потекло
под старой бабушкиной крышей,
где любопытное окно,
где по тайге гуляют тропки,
и солнце кутаясь в листву,
стекает в золотые сопки,
лучами высушив траву.
И почему-то синеглазы
цветы лесные – петушки.
И редко день дождём наказан,
и ветер бродит у реки.
А ночь ложится на колёса,
уносит в прошлое огни,
мосты, строения, откосы,
чужие лица, судьбы, дни.
Дороги поперёк дыханью,
наперерез, наперехват...
Впадают в сердце расставанья,
без права повернуть назад.

Мой маленький дом девяти этажей

Мой маленький дом девяти этажей
вознёсся над синей вселенной моей,
над белой тревогой весенних берёз,
где спелые ливни сменяют мороз,
над утренним счастьем рождённой зари,
что тёмные ночи скрывают внутри.
Над шелестом, скрипом, мельканьем следов
зверей и людей, деревень, городов.
Мой маленький дом на ладонях дорог
сквозь стёкла взирает задумчив и строг
на нежные стаи седых облаков,
весёлые звуки родных голосов.
Куда вы от тёплых лазоревых стен?
И тянутся чуткие пальцы антенн.
Мой маленький дом, у дороги моей
нет окон и стен, и надёжных дверей...
И всё же прошу, ты меня отпусти
к огромному солнцу, что светит в пути.

Я – отступление от правил

Я – отступление от правил,
склонное к мятежу.
Запрет раздвигаю руками,
от гневных словес ухожу.
Ночами, когда не спится,
или кошмар на яву,
я вижу надменные лица,
среди которых живу.

Как царь Эдип

Как царь Эдип не ведаю греха,
вскормлённая на пошлости блаженства,
срываю судьбы с кожи, как труха,
летят в ничто их боль и совершенство.
Невинна я в жестокости своей,
лишь памяти я душу доверяю,
и клином одичавших журавлей,
уносит в даль всех проходящих стая...
И ты прохожий не листай меня,
как странную зачитанную книгу,
в ней не найдёшь ни снега, ни огня,
в ней только дождь,
в ней всё подвластно мигу.

Мы близнецы с тобой, моя душа

Мы близнецы с тобой, моя душа.
Характерами лишь несовместимы.
Где замерев, стою я чуть дыша,
ты равнодушно пробегаешь мимо.

Когда ты стонешь по ночам во мне,
я спать хочу или посуду мою.
Предпочитаешь плавиться в огне,
а я дождливой мучаюсь тоскою.

И спор наш долгод и не разрешим.
Ему итогом – вечное смятенье.
И я борюсь с пороками души,
чтобы не стать её безликой тенью.

Скажи мне брат

Скажи мне, брат,
в чем миссия твоя?
Её с рожденья в сердце, согревая,
мы шелухою жизни обрастаем,
толстенной кожей скверны Бытия...
Соблазны, страсти, мелкие людишки,
ничтожные поступки и дела...
Возможно, мы не те глотаем книжки,
в них очень мало Света и Тепла.
Уже не докопаться до истоков,
до той заветной цели, до глубин...
А жизнь привыкла состоять из Сроков,
у каждого свой Час, и он один...
К исходу время катится, сгорая.
Скажи мне, брат, в чем миссия моя?
Мне трудно вспомнить... Время замечает
событиями начало бытия.

Был человек сердит и точен

Был человек сердит и точен,
очки носил,
И ровными рядами строчек
мой мир делил.
И пропускал его сквозь тайну
своих забот,
поэзия вошла случайно
в его расчёт,
и синусоидой загнутой
упала вниз.
Он подводил земли маршруты
под свой карниз.
Изображая проведение,
сомненья знак,
себя сравнивал с великой тенью,
хоть был пустяк.
И днём весёлым стало скучно
среди людей...
А он хитрил: – Рисуйте тучи,
так веселей...
И осень выцветшего цвета
вошла в меня,
и стало в жизни мало лета,
мечты, огня...
Я скептиков боюсь порою,
им ясен день
продуманной сухой игрою
в огонь и тень.
Они смыкают все границы
своих невзгод,
стирая доброту на лицах...
Но Жизнь идет!!!

Я помню

Я помню как было в начале,
когда за спиной выростали,
белея два сильных крыла.
И кажется экая малость,
но что-то с душою случилось,
летела она, а не шла!
Внизу оставались ветры,
стирались в песок километры,
и птицы срывались с крыш.
Мелькали события и встречи,
и ты говорил, безупречен,
с досадой – «Куда ты летишь?»

Пройду сквозь оговор

Пройду сквозь оговор,
не уроню лица...
И глаз не опущу, удары принимая,
невыносима боль словесного свинца...
О клёкот чёрных птиц...
Уймись воронья стая!

Соглядатаи дней и ночей

Соглядатаи дней и ночей,
что вам нужно от дел моих,
быстротечен часов ручей,
только в паузах очень тих.
Только в заводях, где тоска
опустилась на дно души,
мягким илом лежат века,
да качаются камыши.
Соглядатаи тайных встреч,
и случайно забытых слов,
я дарю вам на память речь
моих прожитых голосов.
Компонуите моё досье,
из проступков и бед моих.
Никогда не буду как все,
это мой основной вердикт.

Я приветствую новое утро

Я приветствую новое утро
без сомнений и взрезанных вен!
У страданий конечны маршруты,
с очищением жду перемен.
Сквозь священный огонь метели
и христовую воду стиха
я взращу в себе голос свирели,
сокращая пространство греха.
И меня не удастся запутать
Златоусту, чьё слово ложь...
И пусть в сердце вонзится круто
чистой правды холодный нож.

Так хочется чуда!!!

Так хочется чуда!!!
Причуда?
Нелепая странная блажь?!?
Из детства,
а может оттуда,
где зреет в душе эпатаж...
Пусть даже на грани скандала,
так ярок безумный восторг!
Как всё же отпущено мало
нам этих прекрасных тревог.

Я ненавижу серый цвет

Я ненавижу серый цвет.
Холодная скупая морось...
И стынет города скелет
в домах, вопящих в полный голос,
в машинах, в скрежете колёс,
в испуге сереньких прохожих...
Плывут зрачки, глаза без слёз,
все лица на одно похожи.
Деревья серою листвой
впитали рухнувшее небо.
А над землёй, а над душой
царует серость зло и слепо.
Она вбирает губкой жадной
все крики радуги, спеша...
И серой краскою площадной
исполосована душа.

А у меня в пути кровавый бой

А у меня в пути кровавый бой,
кровавый бой с системой самой...
Удастся ль выжить я, увы, не знаю,
мне кажется уже я пропадаю,
ведь мне сейчас не просто надо выжить,
как повествуют миллионы книжек,
а выжить так, чтоб не застрять в сетях,
что паутиною вгоняет в страх...
И я иду практически по краю,
свои ошибки яростно листаю,
как говорят вот в жизни форс мажор,
когда система целится в упор.

Меня забыли

Меня забыли... Потеряли в сутках...
Пути-дороги затянула мгла.
Провал в судьбе огромным промежутком
меж тем, что было и к чему пришла.
Меня забыли те, кто говорили
там за спиной. О чем? Мне не узнать...
Судьба моя распалась вдруг на мИли,
сорвав с души бездушия печать.
И я пошла по судьбам как по вехам,
в пути меняя страны, города,
я так стремилась от себя уехать!
Но это невозможно, господа!

Я возвращаюсь! Ждите откровений!
К моим дорогам лица поверните!
Обид и недомолвок тает время,
захлестнутое фактами событий.
Переболела, передорожила
судьбой, что не стеснялась поворотов!
Совсем иная я для старожиллов,
готова для падений и для взлётов!
Но чистоту идеи не замажу,
и понапрасну слов не растеряю,
ещё я отличаю снег от сажи,
хотя себя порой не понимаю.

А я начну с конца

А я начну с конца! Пусть растворится взгляд
в бездонной глубине прожитых лет и дат!
А я начну с угла, от печки, от крыльца.
Как путаны пути у моего конца.
Там в голубом окне с утра крошится снег.
У моего конца родился Новый Век.

Я иду по канату

Я иду по канату над болью и злом.
Я иду, торможу, где он связан узлом.
Я иду над желаньями жалких страстей,
над холодными бритвами ваших речей,
над землёй, там уступы стекают в провал,
над болотами душ, где насмешек оскал.
Я иду на виду, а канат ходуном,
ошибусь, упаду в безымянный пролом.
И заплакать нельзя, не увижу пути,
а канат весь протёрт истончён впереди...
Есть надежда, когда жизнь канат оборвёт,
хоть мгновенный, но всё ж мне подарит полёт.

Лицо ночное с ликом дня не схоже

Лицо ночное с ликом дня не схоже,
всё вроде то, но к сожалению нет,
вчерашние черты на день моложе,
на час, на вечер, на секунды след.
И пригоршнями лики листопада
вдруг кто-то смутно-страстный оборвёт,
и лиц моих вечерняя прохлада
на старых фото памятью взойдёт.

Мой сон

Мой сон уходит за границы
летящей ночи. Среди дня
он спотыкается о лица,
и спотыкаясь, длится, длится,
уносит за собой меня.
Я спать хочу, и лишь мечтаю
не подниматься по звонку...
А жить, кровать не покидая,
сны не срывая на бегу.

Сегодня кто-то шепнул моё имя

Сегодня кто-то шепнул моё имя
в огромной бегущей толпе...
Я слышала ясно, упало: – «Марина»,
но я не призналась себе.
Я шаг не сдержала, не вздрогнула даже,
и имя осталось лежать.
Там на бульваре движение страшно,
теперь уж его не поднять.
А голос знакомый, и даже я знаю,
кто буквы мои произнёс.
Зачем же я прошлого нить обрываю?
Неразрешимый вопрос...

Сумерки

Я исчезаю, иссякая,
летящая, как лист, сквозная.
Уже от тонких пальцев рук
лишь только стол и звонкий стук.
От ног – скольжение шагов,
и голос будто ветер слов,
лишь на стекле овал лица
ещё не смыло до конца.

Я сегодня была дождём

Я сегодня была дождём...
Тихомолком бродила по парку,
и в листве оседали жаркой
чей-то вскрик и весёлый гром.
Под огромным, прозрачным зонтом
от меня охраняли детство,
что хотело совсем не греться,
а по лужам частить босиком.
Я сегодня проснулась дождём
проливным, золотистым, прохладным,
раздавала соцветия радуг,
что, искрясь, исчезали потом.
Кто-то хмурый, с колючим лицом
всё ворчал по пятам за мною,
словно было моей виною,
то, что я вдруг проснулась дождём.

Мой архив

Мой архив – это тысячи строчек
на оборванных ветхих листах,
непонятный изломанный почерк,
что дымится мечтами в стихах.
Ускользающие мгновенья
лиц, событий, потерянных дней,
лабиринты моих настроений
в океане всемирных страстей.
Штриховые портреты и взгляды,
масса, море мелькающих лиц...
Углем, соусом до упада
рисовала, не зная границ.
Негры, чукчи, индейцы, славяне...
Мне позировал целый мир!
На эскизы разорвана память
городов, стран, гостиниц, квартир.

Я писала стихи о любви

Я писала стихи о любви...
Я писала слезами и кровью,
грозным громом и чутким безмолвьем,
сжав в сознание все чувства мои.
Я писала стихи о любви!
Напрягались струнами нервы,
было мучительно, горько и скверно,
безрассудство царило внутри...
Я писала стихи о любви.
Это точно, как санки под горку,
сумасшествие скоростей,
только ужас под сердцем прогорклый,
ветер бездны в безумье речей.
Шрамы есть, их без счета я знаю,
но зато с той поры я летаю.
Крылья выросли, вот посмотри,
проросли сквозь стихи о любви!

Из Забвения вызываю

Из Забвения вызываю:
Отзовись!
Зов срывается, слетая
сверху
вниз!
У Забвения в полутёмных этажах
бродит кто-то,
то ли путник,
то ли страх.
Я опять перелистаю
все пласты...
Эта музыка немая,
может Ты?
Вспоминаю,
где же вышел перекося?
Растворил тебя, скрывая,
ветер слёз.

Как в ночь впадает огневой закат

Как в ночь впадает огневой закат,
дороги все уходят в поднебесье.
Так и во мне, мерцая, длится взгляд,
двух глаз твоих немое равновесие.
Я эту тяжесть на себе несу
и натываюсь на углы и стены.
Освободи! И я тебя спасу
от дерзости словес моих надменных...

Золотое кольцо луны

Золотое кольцо луны
не тревожит небесную взвесь,
звезды тоже здесь не видны,
может где-то они и есть.
Спальня наша – четыре стены:
ветер, дождь, шелест трав и ночь.
и сбиваются в стаи сны,
вылетая из комнаты прочь.

P.S Гало – оптический феномен, светящееся кольцо вокруг источника света. Гало обычно появляется вокруг Солнца и Луны...

Пришёл незванный, нелюбимый

Пришёл
незванный,
нелюбимый...
Промолвил что-то
невпопад,
как будто занавесил дымом
мой ясный день и чистый взгляд...
Нелепо как-то повернулся,
задев вечернюю зарю...
И вдруг
потерей обернулся,
как день весенний
февралю.

По мотивам Бразильской поэзии

В.М.

Твоё тело меня терзает,
выступая открытой кожей
из цветной шерстяной спирали
до протертых надежд заношенной.
Твоё тело агрессией злобное,
надо мною кружит агонией,
как дождем бременеет облако,
так оно мне грозит колонией.
Твое тело страданием спелое,
и порочную страстью пропитано,
обнажается злобой белою
и надеждою не убитою.
Твое тело болото цепкое,
тянет в бездну ужас отчаянья,
и хватаю людей как ветки я,
подо мною трясина качается.

Ты хотел меня взять любовью,
как берут на ладони воду,
я сквозь пальцы пробилась болью
и добыла себе свободу.
Ты мне руки ломал,, как крылья
обрывают у пленной птицы,
думал верно, что я бессильна,
сила в ненависти таится.
Ты мне губы срывал, чтоб солнце
не встречало мою улыбку,
но смотри, во мне мир смеется
над твоею злою ошибкой.
Ты одежду срывал листьями,
думал тело мое замучить,
но оно поросло цветами,
что защитой владеют колючей.

Любовь и Ненависть

Любовь и ненависть – подруги,
одним огнем опалены,
из сердцевины серых будней
они восходят словно сны.
Они равны между собою
по силе, боли и беде.
Без них и небо над тобою
гораздо ниже, чем везде.
Они питают корни сердца,
по нервам, посылая ток,
нет их, так хочется согреться,
а с ними над судьбиной рок.
И эти два стерильных чувства
без голубых полутонов,
и фальши древнего искусства
всему основа из основ.
Кто тайну трепетной границы
меж ними сможет различить,
тот миг, что заставляет лица
так ненавидеть и любить.
Тот шаг, что можно перепутать
и чувство чувством заменить,
и ненавидеть почему-то,
кого положено любить.
А ненависть, что нас сжигает,
питает ядом нашу кровь,
и чью-то жизнь подводит к краю,
вдруг превращается в любовь.
Все это больно и серьезно
и смысл судьбы – не опоздать,
и чтоб не стало слишком поздно
на чувство чувство поменять.

Меркурианец... Магия небес...

Меркурианец... Магия небес...
Неотвратимы колдовские знаки...
Твои глаза, рождённые во мраке,
светлы, как на восходе зимний лес.
И весь ты из кристаллов вешних снов
непредсказуем. По каким законам
ты существуешь? Я тебя не трону,
не заблужусь среди твоих миров.
И даже если хочется мне глаз
твоих коснуться тальными губами,
не потревожу тайну между нами,
не оброну тоску сплывших фраз.

То ты нежен, как ветер весенний

То ты нежен, как ветер весенний,
то ты, как бездорожие, чёрств...
Перемена твоих настроений,
как игра затуманенных звёзд.
Невозможность моя, сожаленье,
ты играешь на струнах любви,
задевая обиду волненьем,
перепутав все чувства мои.

Дорога без следов

Дорога без следов остыла
и умерла.
Дождей размывчатая сила
шаги с обочин унесла.
Покрылась вся земля ветрами,
предзимним сном.
И небо встало между нами
пустым окном.

Любовь

Вот так она к нам и приходит...
Сначала сердце с места сводит,
потом мозги исколесит,
и там, где серое пространство,
себе отыщет постоянство.
Потом этапами большими
за сантиметром сразу метр
она ломает, как стихия,
всё, чем ты жил и что умел...
Всё это станет лёгкой грустью,
зажмёт в кулак, не горячись....
Она на шаг к себе не пустит,
и в клетку нервов заключит.
И будет мерить расстоянья
твоею волей и тоской,
и ты бессильный от страданий,
ей наконец кричишь: – Постой!
Она извежливо жестока,
рукопожатие руки
и разведёт судьба-дорога
твоё сердечко на куски...
Но боль пройдёт, не беспокойся,
хотя она оставит след,
зато потом любви не бойся!
Переболел, иммунитет!
А я не верю в эти штучки
и вновь влюбляюсь с горяча,
кого-то может жизнь и учит,
ну а меня так бьёт с плеча...

1990 г.

Хочешь я нарисую

Хочешь я нарисую губами
твой портрет на изломе судьбы?
Эту тайнопись между нами
не увидят, ведь люди слепы.
Хочешь я прикоснусь к тебе взглядом
и на коже оставлю ожог,
но показывать раны не надо,
пусть осудят нас время и Бог.
Из чего возникает сплетенье
заведённых за голову рук?
Из знобящих кристаллов волнения,
отшлифованных ритмом разлук.
Из чего возникает улыбка,
и лучатся, как звёзды, глаза?
Ты моих настроений ошибка,
нет желанья нажать тормоза.
И влечёт меня в неизвестность
упоительный ветер тревог,
перепутались ярость и нежность...
Да поможет нам время и Бог!

Служебный Роман

Посвящается В. Ю.

Когда ты стоишь предо мной,
слова свои цедишь со взглядом,
что тяжелей миллиона воль,
я сомневаюсь, что мне это надо!
Когда ты ненавидя мой шаг,
кричишь, что бегать за мной не будешь,
и ловишь на лестницах второпях,
чтоб оборвать мои светлые будни.
Когда ты танцуешь со всеми в подряд,
меня не видя, как будто даже,
и только тяжёлый твой серый взгляд
следит за жестом моим за каждым....
И я иду и везде на тебя
вдруг налетаю словно на стену,
и эта стена, я же вижу грозя,
тянет руки ко мне как антенны...
И кроме того твоя жена
глядит на меня глазницами ада...
Я не пойму, в чем моя вина?
И кому, для чего и зачем это надо

Я тобой болею вечерами,
днём слова презренья нахожу,
что за притяженье между нами,
почему я этим дорожу?
Ты меня то взглядами ласкаешь,
то словами бьёшь из за угла...
Любишь? Ненавидишь? Приручаешь?
У добра взяв средства и у зла.

Невыносимо! Нету сил
тебе уже сопротивляться,
Еще умела я смеяться,
но ты и это поглотил...
Движенье душ, сближенье тел
я понимаю бестолково,
мерещатся кругом оковы
и натуральный беспредел.

На эшафот твоей любви

не соизволила подняться,
смешно пред плахою склоняться,
когда ликует жизнь в крови.
На эшафот твоей любви,
чтоб завершить твоё страданье
усугубленьем отрицанья,
увы не в силах, извини...

1990—1991 г.

Счастье ищешь? Приемлешь дождь!

Счастье ищешь? Приемлешь дождь!
Очень частые здесь дожди.
Твои губы и тело – ложь!
У обочины подожди.
Подойду, излучая свет,
чёрной ночью, как день бела...
Слишком много холодных лет
твоего я тепла ждала.
Как студёной воды стакан,
ты пригубишь моё чело.
На похмелье от счастья зван,
что скрываешь: добро иль зло?
В глубине меж ветвей и рук,
в необъятной чаше души,
алой точкой теплится звук,
хрупким маятником шуршит.
Как ни странно, но наши тела
знают больше о нас с тобой.
Чёрной тайной их ночь свела,
и омыл золотой прибой.
Словно звёзды, меркли слова,
незначителен стал их звук,
только терпко пахла трава,
извиваясь в изломах рук.
И стекали слёзы с небес
прямо в чашу ночной тишины...
А потом долго снился лес,
и преследовал вкус вины.

Где твоя смелость, солнечный Лир?

Встречи, как руки,
тянут к себе!
Призрак разлуки
бродит в судьбе!
Как мне хотелось
сблизить весь мир!
Где твоя смелость,
солнечный Лир?
Ходит по свету
гордый король,
копит в рассветах
тихую боль...
Ночи сливаются
в ураган,
ветер скрывает всё
в белый туман...
Первопричина
встреч и разлук:
далее кручина,
ненависть рук,
дерзость паденья,
воля броска,
самосожженье
из-за глотка
терпкой печали,
чёрной тоски...
Бьются дороги
в наши шаги.

Мы повязаны этой любовью

Мы повязаны этой любовью,
и не в силах её потерять,
прорастаем друг в друга кровью,
изначально сливаясь опять.
Что за сила нас разделила,
между нами растила года,
где ты был, когда я любила
тех, отвергнутых навсегда?
Мне б тебя уберечь в ладонях,
от неверных дорог спасти!
Сквозь больную печаль колоний
снова встал на моём пути.
Пусть останется там за стеною,
то, что так разметало нас!
И отныне меж мной и тобою
не возникнет надменных фраз.

Проходит день без твоего тепла

Проходит день без твоего тепла...
В холодном воздухе поют колокола...
А на душе такая маята,
меняет ночь подлунные цвета...
Я чувствую ты мне на счастье дан,
шелками обовью летящий стан,
и подойду к дверям тебя встречать.
О, господи, не дай мне потерять
его улыбку, слово, нежный взгляд.
За окнами гуляет листопад.
Ты спишь сейчас в незримом далеке.
А утро приближается к реке.
Колышет катер набежавший бриз.
Любимый, я молю тебя вернись.
В природе ощущаешь древний зов,
Охотник, воин, муж и рыболов,
хозяин этой ветреной земли,
в твоих глазах степные ковыли,
их хрупкий звук летит в колокола...
Тебе не жить без моего тепла.

Цыганская доля! Беспутство и страсть!

Посвящается А. В.

Цыганская доля! Беспутство и страсть!
Трущобная воля! Зловещая власть!
Что обуздает норовистый пыл,
переизбыток ликующих сил?
Где та работа, семья и жена,
что возвратили б тебя в стремяна?
Нету! И вовсе тебе не нужны!
Ветер и волны, и ярость машин,
дикая скорость, музыки вой-
вот, что всецело владеет тобой.
Чья-то насмешка, а может быть рок,
миг, когда путь твой меня пересек.
Жизнь не дано перевыстрадать вновь,
и уничтожить слепую любовь.

Я из тебя ухожу...
Чувствуешь, как по каплям
я уменьшаюсь, дрожу...
Больно тебе, не так ли?
Можно еще удержать
этот поток кроветворный,
ты ведь такой проворный!
Нечем перевязать.

Зачем твои дороги
уперлись в мой приют?
Я ненавижу сроки,
меня, в которых ждут.
Я всплеск души!
Я выкрик!
Я росчерком в ночи
нежданно вдруг возникну,
и кану. Не кричи,
что у тебя есть дочка.
Ты дочке не отец!
Она мой ярый росчерк
среди чужих сердец.
А ты в жару и стужу
о дочке забывал.
Кому теперь ты нужен,
случайный перевал.

Жену завел, так будь же ей верен,
нас не трожь.
Для нас ты стал потерей.
Возьму остудный нож,
и наложу заклятье
на сердце и судьбу.
К чему теперь объятья?
Скучаешь? На мольбу
я больше не отвечу,
ты стал для нас чужим,
в ночи растает вечер,
и ты исчезнешь с ним.

Векторная любовь. По наитию, по законам

По наитию, по законам
уплывающей грешной любви,
как горящие эшелоны,
рельсы спутавшие свои,
на одной оказавшись дороге,
мы не в силах пути развести,
обезумевшие жестоки,
от гибели их не спасти...
Только в этой смертельной схватке,
на руинах спылавшей любви,
уничтожившей всё без остатка,
навоявленный Спас на крови.
Синеглазый безгрешный ребёнок,
наших судеб запутанных дочь,
открывает глазёнки спросонок
в новый день, изгоняя ночь.

Я оставлю тебе на память

Я оставлю тебе на память
неостывшие слезы лилий...
Так прощались берёзы с нами,
босиком убегая в иней.
Я оставлю шаги под вечер,
что дождём с тротуара смыло,
жаркой ночи смуглые плечи,
звёздной шали на них чернила.
А ещё я оставлю улыбку
сожаленья, беды, коварства,
будет чайка вторгаться зыбко
в твоё странное грустное царство.
Смех оставлю. Пусть бродит эхом,
в незнакомые звуки впадает...
И луны золотую прореху,
что по звездам судьбу гадают.
А ещё свой образ забуду,
он к стене фоторамкой припаян...
И подобно незваному чуду,
он опять тебя бросит в память.

Тебе

Я собираю свойства
всех промахов и побед!
Кричат гороскопы: «Бойся!»
Я отвечаю: «Нет!»
Иду на пожар твой жаркий,
как к лампочке мчит мотылёк!
Мой страстный, мой самый яркий!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.